

Я нашел его в кафе на Чистых прудах, рядом с его родным театром "Современник". Обслужив трепетно известица: "Да, Валентин Иосифович здесь, обедает. Просил быстро обслужить, как всегда торопится".

Я безумно по нему соскучился, мы не общались целую эпоху. Прошлые обстоятельства суетного бытия нас нередко сводили вместе. Мне нравилось, что он называл меня уменьшительно-ласково - Феля. В этом весь Гафт: свойский, чуткий, распахнутый, доверчивый, нежный.

На другой день в маленькой комнатке театра я беседовал с одним из самых ярких и любимых актеров нашего времени. С начала своей карьеры в 1956 году в небольшой роли Марселя Руже в фильме Ромма "Убийство на улице Данте" он сыграл более чем в ста кинолентах, телеспектаклях и театральных спектаклях, став воистину Народным артистом и Советского Союза, и России.

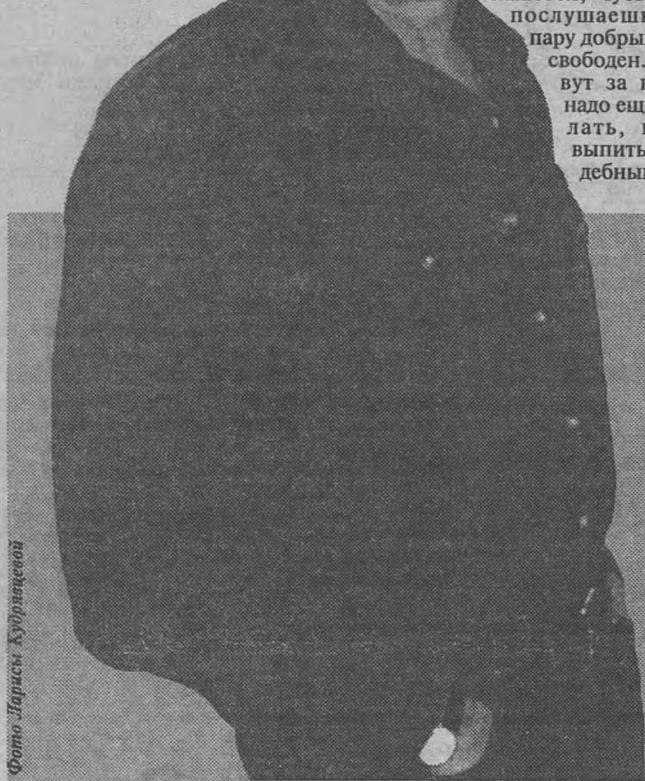

Фото Ларисы Кудрявцевой

хорошо относится. Может быть, мы объединим наши небольшие жилплощади и будем жить вместе. А сейчас я, конечно же, бываю у Оли, у ее детей, которых тоже люблю.

Гафт был возбужден, взрывает. Мы встретились после репетиции, и он еще не остыл, не отошел от роли. Но я все-таки нажал на ту же педаль.

- Тем не менее чем прельщает вас одиночество?

- Тоже легенда. Я же не могу буквально образом сторониться людей, прятаться от них в гримуборной. Я много играю, много занят, а это значит, я всегда рядом с партнерами, рядом со зрителем, которого, кстати, бесконечно уважаю. И считаю, что я без зрителя - никто. Но эта межпуха, всякие сборища, куда тебя непрерывно зовут и ташат, если честно, надоело. Да, идешь, соглашаешься, даешь слабину. Тебе кажется, чуть побудешь, послушаешь, скажешь пару добрых слов - и ты свободен. Так нет, зовут за кулисы, где надо еще что-то сделать, выступить, выпить - быть свадебным генералом.

числишь, уважаемых, любимых. Самое первое большое потрясение было, когда я учился на 2-м курсе Студии МХАТ и к нам в Москву пожаловал знаменитый режиссер Питер Брук, привезший Шекспира. И тогда меня потряс Пол Скофилд. Я впервые со сцены услышал о человеческих проблемах и следил за актером, который попал в определенную человеческую ситуацию; он и его партнеры говорили обыкновенными голосами и виделись обыкновенными людьми. И все это сконцентрировалось для меня в игре этого великолепного актера.

Конечно, Голливуд - это фабрика звезд. Каждый год здесь закупают новые. Но самое интересное, что эти звезды отличаются от наших только суммой вложенных в них денег. А играют они по той же самой системе Станиславского. И я могу сказать, что наши актеры - великий Михаил Ульянов, которого я безумно люблю, великий актер Иннокентий Смоктуновский, прекрасный Олег Борисов, грандиозный Олег Даль, великий Женя Евстигнеев, гениальный Евгений Леонов, непревзойденный и неповторимый Лебедев, да у меня пальцев не хватит, чтобы всех перечислить, - так вот, разве они хуже Де Ниро, Хоффмана, Николсона, Вуди Аллена, которых объединяет одно - великий талант. Только каждый идет к вершине своим

Горбачеве. Мою роль в фильме "Контракт века" должны были снимать во Франции. Оформился, и все вроде бы было в порядке. Но вдруг та же самая история. Меня буквально сняли с самолета. КГБшный генерал был сам удивлен. Он сказал мне, что у меня все чисто, но выпускать нельзя, потому что кто-то очень высокий поставил запрет. Группа улетела. Потом парижскую сцену сняли... в туалетных комнатах новой крупной ленинградской гостиницы, которые были похожи на французские вестибюли.

Еще один эпизод. Снимаюсь в "Гараже" у Рязанова. Снята почти вся картина. И вот уважаемый мною Эльдар Александрович вызывает меня в кабинет, а на нем лица нет. "Что же вы, Валентин, делаете? Я накачиваю картину, такая она выходит острая, интересная, у вас прекрасная роль, а вы подаете заявление на отъезд. Понимаете, что будет с лентой?!" Я в трансе. "Что вы, - говорю Рязанову, - даже в мыслях нет такого..."

Я написал письмо Горбачеву и Чебрикову. Написал, а отправлять передумал, стыдно стало. Спустя много лет у художника Никоса Сафонова встречаю знаменитого тогда генерала Олега Калугина. Спрашиваю, не растолкует ли он, в чем дело, почему я был в запрете. Он и говорит: "Кто-то строчил на вас доносы, что вы хотели сбежать на Запад".

- Творческий вопрос: много предложений на роли, да и пьес, наверно, море?

- Сплошной ширпотреб. С трудом выбираю. Все однодневки. Да, сюжеты, в которых яркие, любопытные фабулы, но только внешне, внутри же ничего нет. Много похабщины, матерщины. Все, что было раньше под запретом, нынче разлилось вонючей канавой. И от этого никакой пользы. Я ненавижу мат в искусстве. Ведь мат это ощущение, а не слово. Я не ханжа, иногда позволяю себе ругаться, но когда приходится произносить мат по тексту, меня корбит. Как-то снял с полки подаренную книгу, сплошная матерщина с какой стати, мне стало плохо, меня затошнило. Нельзя же, как Эллочка-людоедка, изрыгать только непотребное. Это чудовищно, мерзко.

- А похабщина по ТВ? У "ящичка" сидите?

- То же самое, закармлили порнографией. И уже трудно отличить настоящее от пошлого. Нас затопили в море сексуальности, которое не имеет никакого отношения к жизни, несмотря на то, что появилась программа "Про это". Да, у Маяковского есть поэма "Про это". Значит, про любовь. Теперь же детально разбирается по миллиметрам, что происходит в первую, вторую, десятую секунду полового акта, то есть то, что всегда было тайной, становится прилюдным,

НЕ ВЫНОШУ ПОХАБЩИНЫ В ИСКУССТВЕ

- Все нынче рвутся к Гафту: журналисты, режиссеры, поклонники и поклонницы. А между тем утверждают, что вы любите одиночество. Как совмещается, Валентин Иосифович?

- Никак не совмещается. На днях в одной газете читаю откровения женщины, которую я видел-то один раз в жизни и которая уже не раз писала обо мне несусветную чушь. Это бывшая жена писателя Жуховицкого, которая когда-то, отыскав меня, стала жаловаться, как плохо живет с ней с мужем и что я ей очень нравлюсь. Она пришла тогда ко мне, женатому человеку, как журналистка, и я не знал, о чем же с ней говорить. И вот героиня не моего романа инкриминирует мне публично чуть ли не группенсекс. А через две недели в той же газете, которая, видимо, держится на такого рода показателях, была выдана сенсация о том, что Гафт бросил семью и женился на актрисе, которая тоже бросила мужа и находится от меня в декрете. На все это я даже не хочу реагировать и только задаю вопрос: как газета может такое печатать?

Вот и попробуй побудь наедине. И, если честно, мне с журналистами не хочется встречаться. А газеты не хочется брать в руки.

- Только не "Мир новостей", Валентин Иосифович, которая ни разу не была замешана в подобных скандалах. Тем не менее, если мы с этого начали, удовлетворите обязательное любопытство определенной части наших читателей, так сказать, из первых рук: вы не муж актрисы Ольги Остроумовой и папой еще одного ребенка вас называть рано?

- К сожалению. Но добавлю: даже если это и правда, то я такие деяния квалифицирую как вмешательство в личную жизнь без разрешения, карающееся законом. И я прибегну к его защите.

Что касается Оли, то я люблю ее и надеюсь, что она тоже ко мне очень

Я не против ни фотографирования на память, ни автографов - я уважаю людей, не хочу их обидеть, но я просто констатирую: нельзя побыть с самим собой. Отдохнуть от суеты. Я понимаю, такова, наверное, профессия актера, но пребывать в пустоте не хочу.

- Таково ощущение, по-видимому, нет, когда вы приезжаете, скажем, в Нью-Йорк, в Америку. Ведь там вас, наверно, знает в основном только русскоязычный зритель. Однажды в аэропорту имени Кеннеди я оказался невольным свидетелем чудовищного инцидента с Иннокентием Смоктуновским, которого буквально образом арестовали за какое-то ничтожное нарушение проездного режима. Великий наш актер пробыл в кутузке несколько часов, и ни один из служащих аэропорта не реагировал на возмущение наших соотечественников. Для них имя Смоктуновского было пустым звуком. И это было ужасно.

- В общем, верно. Американцы плохо знают наших актеров. Так что любой нашей знаменитости нельзя преувеличивать свое мировое значение. Все относительно. И пусть даже сверхпопулярный артист не мнит, что люди только им и заняты. Тот идит, кто считает себя самым красивым и самым талантливым.

Другое дело, актеру важно всегда сохранять свое лицо. Особенно нынче, когда плодятся сплетни и родилась желтая пресса. Главное - продолжать выражать себя на сцене, в кино. Ведь, приезжая на Запад, мы привозим не себя, а привозим свой театр, свое искусство, Москву, привозим Россию.

- А вы, в свою очередь, не ощущаете себя в роли среднестатистического обывателя, которому хотелось, скажем, потрогать Шварценеггера или прикоснуться к Мадонне? Есть ли у вас кумиры в западном искусстве среди всемирных суперстаров?

- Конечно, есть. И всех не пере-

путем. Почему детям нравятся картины со Шварценеггером? Потому что он играет прежде всего человека, в его фильмах на кону справедливость и добро непременно победит зло. А фактически-то это наши сказки и про Садко, и про Царевну-лягушку... Просто там фантазии подкрепляются деньгами, которых у нас или нет, или мало. Да, я восхищаюсь и Стайгером, и Николсоном, и Дуласом, и многими другими. А женщины - от Мэрилин Монро до Ванессы Редгрейв или Софи Лорен? А каким потрясающим был Жерар Филип, в которого влюбился весь мир! Но скажите, чем лучше он нашего Алейникова или Крючкова с Бернесом, актеров с таким же обаянием!? Просто нас в свое время оторвали от западного искусства "железным занавесом", и мы ничего не видели, не знали, не могли сопоставить.

- Кстати, насчет "занавеса", ведь вы тоже стали поздно выезжать, пребывая в роли невыезжающего. Я-то знаю, по какой причине, но, Валентин Иосифович, прошу вас, расскажите эту историю нашим читателям.

- О, Боже, я уже забыл о тех перипетиях. Все они в прошлом и, как говорится, былым поросли. Первый раз меня не выпустили, кажется, в конце 70-х годов, при Брежнев.

Это было время массового отъезда советских граждан за границу. "Современник" собрался на гастроли в Швецию и Норвегию. И вот пришла депеша из КГБ: "Гафта не выпускать". Как, почему? Не объясняют, только намеки, предположения.

Театру предложили сделать замену. Но Галина Борисовна Волчек, наш главный режиссер, наотрез отказалась: либо все, либо никто. И самолет улетел пустым. Росконцерт заплатил огромную, в десятки тысяч долларов, неустойку за срыв контракта. Второй эпизод произошел, когда я снимался на "Ленфильме", уже при

- А кто все-таки закладывал вас, сейчас-то известно?

- С большой долей вероятности могу предполагать, что моего выезда не хотел один человек из близкого окружения.

- Так вы и остались москвичом, не бросив, как тогда говорили, Родину, свой народ, родную партию. Вы ведь и впрямь москвич? Где вы родились?

- В Сокольниках, в больнице имени Остроумова (хитро улыбается). В тридцать пятом году. И Сокольники, конечно же, мое любимое место в Москве. Парк, аллеи, коток, Ширяево поле, стадион "Спартак", за который я болею. Первые свидания, первые разочарования, друзья, все там.

- Наверняка и Чистые пруды родными стали: и театр здесь, и уютные местечки отдохновения. Не так ли?

- Вы знаете, эти районы чем-то похожи. Какой красивый здесь бульвар, легендарные пруды. Прогуливаться одно наслаждение.

- Скажите, визиты в кафе что, отработка имиджа, тусовка или и впрямь перекусить, выпить чашку кофе? Кстати, кафе-то дорогое, по карману?

- Фель, секрет прост, когда-то в этом помещении была самая простоя столовка, где, кроме чая, бутербродов и сосисок, нечем было разжиться. Но во главе стоял, видимо, талантливый организатор, и он довольно быстро превратил дохлое место в весьма популярное. Здесь нынче можно встретить уважаемого актера, литератора, политика. Да, кафе вкусное и дорогое, но откровенно секрет - у меня тут большая скидка.

- Как это, за какие заслуги?

- Именно за заслуги, ну, извини, как известному артисту (здесь даже моя подошва отпечатана золотом) и как одному из самых первых организаторов сега заведения. Вот и весь секрет. Правда, на выпивку, к сожалению, скидка не распространяется. Увы...

раскрытым. У людей отбираются личные интимные ощущения, которые и словами-то нельзя определить. Что же будет дальше? Человек надеется, что есть ощущения, о которых никто не знает, кроме него. Ничего подобного, "Про это" все знает. Теряется смысл жизни, мы загоняем себя в тупик.

- Валентин Иосифович, пародируете тискаете, сам видел, продаются в магазинах?

- В основном все старое. За последнее время только одна и родилась. Есть на "Эхе Москвы" критик по фамилии Карась. Как-то я посчитал, что она несправедливо отнеслась к моей роли в "Пигмалионе", дескать, Гафт не умеет любить и ему эту роль играть нельзя. А наш "Пигмалион" давно уже дефицитный спектакль, за границей имевший огромный успех. Короче, вот эпитаграмма: "Ты слишком клевым увлеклась, став в "Эхе" высокочкой лихою, пока тебе везет, Карась, но дело кончится ухом". Мною движет не злость, поверьте, но эпитаграмма - жанр с вызовом, с остротой. Как-то эта Карась сама подошла ко мне, и я увидел маленькую девочку, этакую принцессу на горошине, разве можно такую обижать, на нее и сердиться-то нельзя. И я сказал, что прощаю ее.

(...Гафт уже уставал. Он был голоден. Ведь мы встретились после изнурительной репетиции.)

- Ну что, в кафе, заморить червячка?

- Пошли, умираю с голоду! Пришли, разделись, сели за столик. Крайний слева, у стены. Подошел официант.

- Нам по сто пятьдесят. Незаметненько свой диктофон я положил на край стола, за вазу с цветами.

- Ну что еще рассказать? Жизнь летит, как гоголевская бричка: то вверх на ухабе, то кубарем с горы... И я такого понаслушался. Пока не кончилась пленка.

Феликс Медведев